

* * *

УДК 94(47)+908

DOI 10.17816/sn202205

Статья поступила в редакцию 05.03.2020

ОБРАЗЫ МОНАШЕСТВУЮЩИХ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ ПО ВИЗУАЛЬНЫМ ИСТОЧНИКАМ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

© 2020

Елисеева Екатерина Александровна, аспирант кафедры российской истории
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва
(г. Самара, Российская Федерация)

Аннотация. При изучении истории прошлого в рамках традиционной методологии учеными был создан определенный культ письменного источника. В связи с этим визуальные образы воспринимались лишь как дополнительный материал к тексту. Пренебрежение изображениями приводило к утрате полноценного исторического источника при реконструкции событий и явлений прошлого. Визуальный поворот, произошедший в конце XX в., произвел смену исследовательской программы. Визуалистика расширила источниковое поле исследования и обогатила способы анализа данных, поскольку фотография является не только фиксатором культурных событий повседневности, но и отражает особенности региона. В настоящем исследовании предпринята попытка изучить образы монашествующих обитателей Симбирской епархии во второй половине XIX – начале XX вв. на основе фотоисточников, представленных в книжных изданиях, интернет-ресурсах и архивах монастырей. На рассматриваемых фотографиях запечатлены как настоятельницы, так и монашествующие городских монастырей Симбирской епархии. При анализе фотоисточников учитывался контекст создания образов: оформление фотографии, фон, поза, атрибуты, информация об авторах. Фотографии позволили сконструировать образ монашествующих Российской провинции и проследить связь женских монастырей с социокультурными явлениями в городском пространстве рубежа XIX–XX веков.

Ключевые слова: визуальные источники; фотография; кабинетный портрет; Симбирская епархия; женский монастырь; настоятельница; игуменья; монахиня; город; социокультурное пространство; Симбирск; Сызрань; Алатырь; Российское общество Красного Креста; наперсный крест; контекст; монашеская ряса; мантия; четки.

Реконструируя историю прошлого, исследователи зачастую обращались лишь к письменным документальным источникам. Это свидетельствует о письменном механизме фиксации социальной памяти. Визуальные образы воспринимались ими как вторичная информация, не требующая интерпретации и научной рефлексии. При репрезентации прошлого в рамках традиционной методологии исследователи создали определенный культ письменного документа, оценивая его выше остальных источников. Имманентная структура текста не позволяла сменить исследовательские приоритеты. Игнорирование визуальных образов приводило к утрате важного источника в исследовании исторической действительности.

Обращение интереса исследователей к визуальной антропологии произошло в 1980-е гг., в контексте смены лингвистического поворота визуальным [1–3]. Данное явление совпало со смещением центра внимания ученых с макроистории на микроисторию и историю повседневности, где главным персонажем научных изысканий стал маленький человек [4, с. 474].

Тем самым визуалистика стала восприниматься как зеркало с памятью маленького человека. Тенденции, связанные с расширением источниковой базы исторического исследования, коснулись отечественной историографии в 1990-е гг. В 1991 г. при МГУ имени М.В. Ломоносова был создан первый центр визуальной антропологии. Первые оценочные работы визуальных источников принадлежат В.М. Магидову. В своей докторской диссертации он представил историографию по проблеме фотодокументов как часть комплекса аудиовизуальных источников 1920–1980-х гг. [5]. В конце 1990-х появляется литература о проблемах визуальной антропологии [6].

В первое десятилетие XXI в. материалы визуального антропологического характера стали часто использоваться исследователями: появились сборники статей и монографии [7–10]. Отдельного внимания заслуживает монография И.В. Нарского [11]. Работа построена на анализе детской фотографии автора с экскурсами в семейные истории и события его детства. Тем самым Нарский коснулся темы о месте и роли фотографии в истории советской повседневности. В своей работе он указал на необходимость использования разных подходов для интерпретации визуальных образов. Также стоит выделить работу О.В. Гавришиной [12]. В ее статьях представлен анализ смысловых структур фотографии и возможности извлечения информации из фото. В 2011 г. вышла монография Е.А. Вишленковой, посвященная изучению графических образов (гравюр, лубков, карикатур, этнографических портретов) как части визуальной культуры России конца XVIII – первой четверти XIX вв. [13]. До Е.А. Вишленковой исследователями не рассматривались визуальные источники данного хронологического периода.

Благодаря обогащению источникового поля начала XXI в. ознаменовано выходом отечественной исторической науки на новый уровень развития. Визуальные образы, обращенные к эмоциональному восприятию, позволяют увидеть новые пути к пониманию истории прошлого. Стоит отметить работы отечественных исследователей, основанные на анализе феномена фотографии как правомерного источника [14–17].

В настоящее время женские обитатели становятся предметом междисциплинарных исследований. Ученые разных гуманитарных дисциплин обращаются к

изучению феномена православного женского монашества. Архитектурные ансамбли женских монастырей Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. принимали участие в формировании планировочной структуры и объемно-пространственной композиции города. Монастырские комплексы неоднократно фиксировались на фотографиях. Эти визуальные источники, как свидетели видов монастырского ансамбля, используются в изысканиях о храмовой архитектуре [18]. Однако, фотографии, на которых запечатлены монашествующие обитатели Симбирской епархии второй половины XIX – начала XX вв., не становились предметом отдельных исследований.

В настоящем исследовании мы предпримем попытку изучить пять фотографий, на которых запечатлены игуменьи и монахини женских монастырей Симбирской епархии во второй половине XIX – начале XX вв. Фотографии органично вписывались в социокультурное пространство периферийных городов Российской империи рассматриваемого периода. Визуальные образы позволяют нам глубже изучить историю функционирования провинциального женского монашества и его связей с социокультурным пространством города.

Прежде чем мы приступим к анализу фотографий с монашествующими, необходимо определиться с методикой анализа. Так как визуальные источники открыты для большого количества интерпретаций, их необходимо изучать контекстуально. Визуальные образы важно «расшифровывать» именно в рамках того дискурса, в котором они возникли [4, с. 473]. Контекстуализация как методологическое требование является главным условием для анализа, она заключается в стремлении понять мир монахинь, как они понимали его сами. Для оценки содержательной стороны визуального источника необходимо определить, какое место запечатленный занимает в монашеской иерархии, а также роль постановки при съемочном процессе. Для интерпретации контекстной стороны важно изучить авторство визуального источника. Данное изыскание построено на анализе фотоисточников, некоторые из них впервые вводятся в научный оборот. Фотографии монашествующих, используемые в исследовании, размещены на портале <http://old.syzran.ru/>, хранятся в фонде архива Симбирского Спасского женского монастыря, а также представлены в краеведческой литературе [19, с. 24].

Визуальность, которую обеспечивала фотография, заинтересовала российское общество во второй половине XIX в. «Фотография стала лучшим воспоминанием семейных и общественных событий» [20, с. 94]. Это явление было свойственно именно городскому образу жизни. Поскольку город, как центр административной, культурной, просветительской жизни, очень чутко реагировал на различные новации, в частности в технической сфере. Социально-экономические процессы, проходившие в России в пореформенный период, оказали влияние на динамику в социальной структуре городского населения. Основными сословиями, принимающими участие в организации социокультурного пространства города, были купечество и мещанство. В городах Симбирской гу-

бернии во второй половине XIX в. сословный состав был весьма разнообразен. Наиболее высокий процент от общей численности населения принадлежал мещанскому сословию. Исключение составляли города Карсун и Ардатов, в них лидирующее положение по численности принадлежало крестьянскому сословию. Среди привилегированных слоев общества первенство в Симбирской губернии за собой сохраняло купечество [21, с. 102]. Стоит отметить, что по сравнению с другими городами Среднего Поволжья численность дворянского сословия в Симбирске значительно преобладала [22, с. 94].

Первые фотографии в Симбирске появились во второй половине XIX в. [23, с. 177]. А в 90-е гг. XIX в. начался настоящий фотографический бум, что породило конкурентные войны на рынке фотоиндустрии. Этот выгодный промысел привлекал не только профессиональных фотографов, но и любителей-самоучек, выходцев из разных сословий. К примеру, в 1889 г. крестьянин М.О. Попов подал прошение о разрешении производства временных фотографических работ в г. Сызрань [24, с. 1]. Фотографические салоны становятся неотъемлемой частью городской повседневности. Обращение к эмоциональной составляющей фотографии позволяет говорить о наглядной демонстрации локальной идентичности, менталитета проживавших на территории Сибирской губернии сословий.

На первой рассматриваемой нами фотографии изображена настоятельница, игуменья Сызранского Сретенского женского монастыря Мария (рис. 1). Сретенский монастырь был основан в 1856 г. как женская община в г. Сызрань – уездном центре Симбирской губернии [25, л. 16–16 об.]. А уже в 1858 г. по указу Святейшего Правительствующего Синода общину преобразовали в Сызранский Сретенский третьеклассный женский монастырь [26, л. 1]. Фото наклеено на именное паспарту. В данном случае надписи на паспарту являются контекстной стороной фотографии. Они свидетельствуют, что на фото изображена вторая игуменья обители – Мария. Она принадлежала к духовному сословию и первоначально в 1853 г. поступила в Нижегородскую епархию – в Серафимо-Дивеевскую женскую общину. Уже в 1859 г. была переведена в новоучрежденную женскую общину г. Сызрани. Через год после пострижения в монахини Мария получила должность казначеи и стала вторым человеком после настоятельницы. В институте женского монашества было широко распространено явление, когда казначеи в последующем занимали должность настоятельницы монастыря [27, с. 32]. Так стало и в этом случае: после кончины настоятельницы, игуменья Марии (первой) в 1877 г. Мария (вторая) была определена Указом Симбирской Духовной Консистории в должность настоятельницы. А в 1878 г. произведена в статус игуменья монастыря [28, л. 1–2].

Настоятельница Сызранской обители игуменья Мария (вторая) на фотографии изображена в монашеской рясе, мантии, на голове высокий черный головной убор – клобук. Одежда черная, что показывает отрешенность монашествующей от мирского существования, обращение к внутреннему содержа-

нию, а не к внешнему. Строгий стиль одежды символизирует умеренность во всем. На груди мы видим три четырехконечных наперсных креста. Наперсный крест – одна из форм награды от Святейшего Правительствующего Синода «За усердную службу». Он носился на цепочке поверх одежды, как в данном случае, или под ней. Еще на груди настоятельницы прикреплен плохо различимый наградной знак. По форме он похож на медаль «В память царствования императора Александра III». Отсюда мы видим, что служение настоятельницы Сретенского монастыря игуменьи Марии (второй) не раз было отмечено наградами от церковных органов власти. В правой руке настоятельница держит жезл, а в левой – четки. Они были необходимы для отсчитывания количества молитв. Жезл вручался всем новопреставленным игуменьям как символ духовной власти.

Фотография настоятельницы относится к стилю кабинетных фотопортретов, или *Cabinet Portrait*. Название «кабинетный» связано с расширением съемочного пространства, т.е. помещение или кабинет тоже стали входить в кадр. В связи с этим актуализировалось внимание на проблеме фона, на котором позирует человек, в отличие от *Carte de visite*, или визитной фотографии. По размеру *Carte de visite* была намного меньше *Cabinet Portrait*, поэтому не требовала дополнительной ретуши или подписи. Телесного подобия личности на визитной фотографии было представлено даже в избытке. Фотографические *Cabinet Portrait* в определенной степени осуществляли функцию социальной презентации. На заднем фоне рассматриваемой фотографии можно различить ступени, узорчатую ограду, колонну и цветы, т.е. некий образ сада. Данный «эффект ореола» формирует у зрителя престижный контекст восприятия личности портретируемого, что отражает модные ценности на рубеже XIX–XX вв. [10, с. 44].

Контекстная часть рассматриваемой фотографии свидетельствует, что фото было сделано в г. Сызрани в мастерской Ивана Букина. Возможно, имеется в виду фотограф Иван Герасимович Букин, уроженец с. Коваксы Арзамасского уезда Нижегородской губернии. Его фотомастерская располагалась на улице Большой с 1895 по 1906 гг. [23, с. 193]. Перспективу этой улицы венчал и Сызранский Сретенский женский монастырь. Как один из железнодорожных узлов страны, Сызрань в торгово-промышленном плане уверенно соревновался со столицей губернии – Симбирском. По численности оба города принадлежали к категории средних городов. По воспоминаниям современников, только центр Сызрани делал его похожим на город, окраины же более напоминали село [29, с. 160]. В рассматриваемый период времени в г. Сызрани работало 16 фотографов. Таким образом, мы видим, что фотография выступает здесь не только как средство конструирования образа настоятельницы монастыря, но и позволяет определить специфику духовных и социокультурных функций обители. Фон в данном стиле фотографии – референт социального положения. Темные тона одежды и строгий стиль показывают отрешенность от мирских радостей, соблюдение православных традиций и

церковного этикета. Наградные знаки доказывают, что настоятельница была верна православным традициям и занималась организацией внекультовых практик монастыря.

На второй фотографии изображена игуменья и монашествующие Симбирского Спасского женского монастыря (рис. 2). Первое упоминание об обители датируется второй половиной XVII в. Монастырь имел необщезначительный устав и был штатным. Контекстной стороной в данном случае выступает обратная сторона фотографии. Из нее мы узнаем, что на фото запечатлены слева направо игуменья Евфросиния (Екатерина Дувинг) и сестры келейницы. Мы предположили, что справа от игуменьи Евфросинии сидит ее родная сестра, монахиня Магдалина (Мария Дувинг), поскольку наблюдается схожесть лиц. Имя келейницы, стоящей позади, установить не удалось.

Настоятельница монастыря игуменья Евфросиния в отличие от игуменьи Сретенского монастыря Марии (второй) происходила из дворянского сословия. Образование получила в Санкт-Петербургском Екатерининском институте. В 1861 г. поступила в Симбирский Спасский женский монастырь. В год пострижения была определена в должность казначеи. Исполняла должность настоятельницы в Бузулукском женском монастыре Самарской епархии, однако вскоре отказалась из-за болезни от данной должности и вернулась в Спасскую обитель. В 1873 г. определена в должность настоятельницы и произведена в сан игуменьи данного монастыря. Согласно Указу Симбирской Духовной консистории состояла в звании начальницы при училище девиц духовного звания и в числе членов совета до образования епархиального женского училища [30, л. 160 об.–161].

На фотографии игуменьи Евфросиния и монашествующие, как и игуменья Мария, одеты в строгое, черное монашеское одеяние, однако его крой несколько отличается. На шее у игуменьи висит один четырехконечный наперсный крест, а на груди с правой стороны приколот Знак Российского общества Красного Креста. Знак такой формы был утвержден после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Сложенная овалом, серебряная лента венчалась императорской короной. В центре располагался знак Красного Креста, по бокам от него – даты 1877–1878 гг. Он вручался всем, кто принимал участие в деятельности Общества попечения о раненых и больных воинах во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Отсюда можно предположить, что под руководством игуменьи в монастыре осуществлялся такой вид внекультовой деятельности, как благотворительность. В отличие от фотографии игуменьи Марии (второй) здесь художественная композиция ограничена предметным рядом – небольшим столиком. Контекстная сторона фотографии свидетельствует лишь об именах лиц, запечатленных на фотографии. Имя фотографа осталось неизвестным.

На третьей фотографии запечатлена еще одна игуменья Симбирской Спасской обители – Феофания (рис. 3). Она принадлежала к крестьянскому сословию, однако образование получила не на дому, а в Симбирском удельном заведении, возможно, это

удельное училище крестьянских дочерей. Поступила в Симбирский Спасский женский монастырь в 1867 г. В 1891 г. приняла монашеский постриг, а в 1898 г. определена в должность казначеи. В 1905 г. по рекомендации Епископа Гурия была выбрана в должность настоятельницы монастыря, в этом же году произведена в сан игуменьи [31, л. 3 об.].

На шее игуменьи три четырехконечных наперсных креста, в правой руке четки. Фотография приклеена к стандартному фотографическому бланку, на котором различима надпись Cabinet Portrait. Это доказывает, что фотография игуменьи Феофании тоже принадлежит к стилю кабинетных портретов. Обратная сторона фото содержит имя запечатленной, красивый художественный рисунок и медали, однако на ней нет информации о фотографе. Такие художественные паспарту вошли в обиход в начале XX в., поэтому установить по ним имя фотографа не представляется возможным.

Симбирский Спасский женский монастырь сдавал принадлежавшие ему квартиры в аренду фотографам. Так, в 1910 г. игуменья Феофания подавала рапорт о дозволении сдать в арендное пользование квартиры, находящиеся в угловом доме № 10 по Дворцовой улице и Полицейскому переулку казанскому мещанину Василию Константиновичу и его сыну Борису Васильевичу Слесаревым на 10 лет [32, л. 16]. Фотоателье Бориса Васильевича Слесарева именовалось «Рембранд», ему был отведен бельэтаж каменного дома.

Однако фотографий из его салона в архиве Симбирского Спасского женского монастыря не обнаружены. Но сохранились фотоисточники из фотографического заведения Федора Алексеевича Каганина. На фотографии запечатлены четыре монашествующие Симбирской обители (рис. 4). Они одеты в монашеское одеяние, в руках держат четки, наградных знаков нет. Обратная и лицевая сторона фотографического бланка являются контекстной и содержат логотип фотографического заведения Ф.А. Каганина. Он был один из самых популярных фотографов Симбирска, а его работы доказывали высокий профессиональный уровень. Во второй половине XIX – начале XX вв. в Симбирске работало более 40 фотографов.

Таким образом, мы видим, что монашествующие Симбирского Спасского женского монастыря неоднократно посещали фотографические ателье и даже сдавали свои квартиры им в аренду. Это доказывает включенность женских обителей в организацию городского быта Симбирска. Внешний облик монашествующих сохранял главные идеи аскетичной жизни, однако крой одежды отличался. Это явление было широко распространено в женских монастырях.

Пятая фотография иллюстрирует игуменью, настоятельницу Алатырского Киево-Николаевского женского монастыря – Лидию (рис. 5). Она, как и игуменья Евфросиния, принадлежала к дворянскому сословию. Обучалась в Елизаветинском женском училище. По собственному прошению была определена в число послушниц Сызранского Сретенского женского монастыря. Пострижена в монашествующие в 1864 г. В 1876 г. была переведена настоятельницей в Алатырский Киево-Николаевский женский мона-

стырь Симбирской епархии [27, с. 32]. В этом же году произведена в сан игуменьи. Киево-Николаевский третьеклассный женский монастырь с необщезыгодным уставом располагался в уездном городе Симбирской губернии – Алатырь. Как и Симбирский Спасский монастырь, основан в XVII в. На фотографии игуменья Лидия сидит в монашеском одеянии. В руках держит книгу, на которой изображен крест, возможно, эта книга – Священное Писание. На шее висит один четырехконечный наперсный крест, слева на груди приколот Знак Российского общества Красного Креста. Он такой же, что и на фото игуменьи Евфросинии. Следовательно, Алатырская Киево-Николаевская обитель под руководством игуменьи Лидии принимала участие в помощи раненым и больным воинам. Композицию фотографии формируют предметы мебели: столик, покрытый скатертью и стул. Фон представлен в виде шкафа, дверцы которого орнаментированы растительным декором. Данное фото было обнаружено в книге, посвященной истории Алатырского Киево-Николаевского женского монастыря, в связи с этим установить авторство фотографа не представляется возможным. Со второй половины XIX в. в г. Алатырь начинает складываться промышленное производство. Развитие транспортной инфраструктуры повлияло на экономические связи. Алатырь завершал тройку крупных промышленных городов Симбирской губернии. В рассматриваемый период времени в г. Алатырь работало 8 фотографов [23, с. 177–191].

На основании проведенного исследования сделаны следующие выводы. Фотографии игумений и монашествующих женских обителей трех торгово-промышленных городов Симбирской губернии второй половины XIX – начала XX вв. свидетельствуют о включенности представителей всех социальных страт в общественную жизнь, тем самым сохранив образную информацию об обществе. Главным достоинством визуального источника является его наглядная информативность. Она позволяет изучить внешний облик запечатленного лица, подтверждает его социальный статус в обществе. Благодаря сохранившимся визуальным источникам мы проследили, как формировался образ монашествующих на региональном уровне, а также специфику их социокультурных и духовных функций. Это в определенной степени позволяет понять специфику деятельности каждой епархии. Все фотографии постановочные, что говорит о желаемом участии запечатленных лиц. Темные тона в одежде, строгий стиль, церковные атрибуты демонстрировали аскетичные идеи отрешенности монашествующих от мирской жизни, соблюдение православных канонических традиций. Нами были замечены особенности кроя монашеской одежды, что было распространенным явлением в институте женского монашества. Во всех трех рассматриваемых обителях настоятельницы, игуменьи были отмечены наградными знаками. Они показывают, что обители занимались не только культовой деятельностью, но и организовывали различные направления социокультурных практик, в частности благотворительные.

Рисунок 1 –
Настоятельница Сызранского
Сретенского женского монастыря
игуменья Мария (вторая)

Рисунок 2 – Настоятельница
Симбирского Спасского женского
монастыря игуменья Евфросиния
и монашествующие обители

Рисунок 3 –
Настоятельница Симбирского
Спасского женского монастыря
игуменья Феофания

Рисунок 4 – Насельницы Симбирского
Спасского женского монастыря

Рисунок 5 – Настоятельница Алатырского
Киево-Николаевского женского монастыря игуменья Лидия

Список литературы:

1. Мешеркина-Рождественская Е.Ю. Визуальный поворот: анализ и интерпретация изображений // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность. Саратов: Научная книга, 2007. С. 28–42.

2. Соколов А.Б. Текст, образ, интерпретация: визуальный поворот в современной западной историографии // Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия. Челябинск: Каменный пояс, 2008. С. 10–24.

3. Савчук В.В. Феномен поворота в культуре XX века // Международный журнал исследовательской культуры. 2013. № 1 (10). С. 93–108.

4. Щербакова Е.И. Визуальная история: освоение нового пространства // Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя. М.: АИРО XXI, 2011. С. 473–488.

5. Магидов В.М. Кинофотофонодокументы: проблемы историографии, архивоведения и источниковедения: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1993. 36 с.

6. Александров Е.В. Система визуальной антропологии в России: ступени «погружения» и проблемы // Материальная база культуры. М., 1997. Вып. 1. С. 60–65.

7. Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова, В.Л. Круткина. Саратов: Научная книга, 2007. 527 с.

8. Визуальная антропология: городские карты памяти / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. 311 с.

9. Визуальная антропология: настройки оптики / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. 291 с.

10. Нуркова В.В. Зеркало с памятью: Феномен фотографии: Культурно-исторический анализ. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2006. 287 с.

11. Нарский И.В. Фотокарточка на память: Семейные истории. Фотографические послания и со-

ветское детство (автобио-историографический роман). Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2008. 516 с.

12. Гавришина О.В. Империя света: фотография как визуальная практика эпохи современности. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 182 с.

13. Вишленкова Е.А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М.: Новое литературное обозрение, 2011. 384 с.

14. Абилова Р.О. Фотография как источник по изучению истории повседневности: анализ современной российской историографии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2017. 26 с.

15. Бойцова Ю.О. Любительское фото: визуальная культура повседневности. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 265 с.

16. Главацкая Е.М. Фотодокументы как исторический источник: опыт атрибуции, критического анализа и научного цитирования // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2012. № 1 (99). С. 217–225.

17. Чистякова В.П. Семейная фотография второй половины XIX – начала XX в. в России: опыт этнологического и источниковедческого анализа: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 26 с.

18. Алешков В.В. Андреевский монастырь в Москве: архитектурное исследование: дис. ... канд. ист. наук. Сергиев Посад, 2019. 286 с.

19. Историческое описание Алатырского Киево-Николаевского женского монастыря. М.: Тип. Ф.И. Филатова, 1913. 24 с.

20. Харитонова Е. Вещь для руки. Фотоальбомы – документы эпохи и быта // Родина. 2003. № 9. С. 94–97.

21. Корнеева Ю.В. Социальный состав городского населения Симбирской губернии во второй половине XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 11. С. 100–103.

22. Тюрин В.А. Структура, численность и социальный состав городского населения Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Самарского университета. 2013. № 8 (109). Ч. 2. С. 92–98.

23. Сытин С.Л. Симбирские фотографии в начале XX века // Симбирский вестник. 1994. Вып. 2. С. 177–203.

24. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 88. Оп. 1. Д. 365.

25. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 218. Оп. 4. Д. 798.

26. РГИА. Ф. 796. Оп. 139. Д. 1425.

27. Елисеева Е.А. Социальный состав насельниц Сызранского Сретенского женского монастыря второй половины XIX в. // Центр и периферия. 2019. № 4. С. 30–33.

28. Сызранский филиал Центрального государственного архива Самарской области (СФЦГАСО). Ф. 26. Оп. 2. Д. 66.

29. Виноградов В.В. Иллюстрированный спутник по всей Волге. Нижний Новгород: Типо-лит. И.М. Машистова, 1897. 160 с.

30. ГАУО. Ф. 134. Оп. 3. Д. 636.

31. ГАУО. Ф. 134. Оп. 9. Д. 89.

32. ГАУО. Ф. 134. Оп. 8. Д. 844.

THE IMAGE OF THE RUSSIAN PROVINCE NUNS BASED ON VISUAL SOURCES OF THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

© 2020

Eliseeva Ekaterina Aleksandrovna, postgraduate student of Russian History Department
Samara National Research University (Samara, Russian Federation)

Abstract. Studying the history of the past, scientists created a certain cult of a written source. In this regard, visual images were perceived only as additional material to the text. Neglect of images led to the loss of a full historical source in the reconstruction of events and phenomena of the past. The visual turn at the end of the 20th century brought about a change in the research program. Visualism has expanded the source field of research, and enriched methods of data analysis. Photography is not only a fixator of cultural events of everyday life, but also a source of features of the studied region. This research attempts to study the images of the monastic cloisters of the Simbirsk diocese in the second half of the 19th – early 20th centuries based on photo sources presented in book editions, online resources, archives of nunneries. The photographs show both abbesses and the nuns of the city nunnery of the Simbirsk eparchy. When analyzing photo sources, the context of creating images was taken into account: design of the photo, background, pose, attributes and information about the authors. The photographs made it possible to construct the image of the nuns of the Russian province and to trace the connection of nunnery with sociocultural phenomena in the urban space at the turn of the 19th–20th centuries.

Keywords: visual sources; photo; cabinet photograph; Simbirsk eparchy; convent; abbess; Mother Superior nun; city; sociocultural space; Simbirsk; Syzran; Alaty; Russian Red Cross Society; pectoral cross; context; monastic cassock; mantle; beads.